

Динь-дон. Перезвон десятков маленьких колокольчиков огласил залы, коридоры, прогулочные дорожки, купальни и кабинеты врачей. Два пополудни, время обеда. Гости и персонал медицинского центра ручейками стекались к столовой.

Я вынырнула из теплого минерального источника, и услужливая горничная, приставленная ко мне на время пребывания в центре, проворно подлетела к ступенькам купальни, подавая теплый пушистый халат.

Свежий воздух ранней весны приятно охлаждал разгоряченную бурлящей в источнике лечебной водой кожу. Кутаясь в мягкую шерстяную ткань, я с наслаждением разглядывала купальню, белесый пар, поднимавшийся от воды, длинные ветви раскидистой ивы с набухшими почками. На сердце после всех волнений конца зимы было наконец тихо и спокойно.

Три недели, проведенные в медицинском центре на высокогорье, не только затянули мои раны и восстановили вычерпанный дочиста магический резерв, но и почти вернули мир в душе. После гибели мстительного зельевара Арджера, чьи козни чуть не стоили жизни мне и всем обитателям поместья лорда Майло Кастанелло, моего супруга, я снова начала робко задумываться о возможном счастье. И хотя многое все еще оставалось нерешенным, а прошлое было покрыто мраком, мне думалось, ответы непременно найдутся. Ведь впервые я чувствовала, что я не одна.

В единственном коротком письме, которое я получила от лорда Кастанелло за эти три недели, он сообщал, что поместье практически восстановлено после пожара, а от гаража, напротив, «пришлось избавиться», поскольку лорд пока так и не получил новый экипаж из Ромилии. «Мелия и Лоисса разбили на его месте прекрасный цветник», — приписал он, и я, перечитывая письмо, всякий раз не могла удержаться от улыбки, пред-

ставляя, с какой мстительной радостью Мелия уничтожала малейшие упоминания о зельеваре, чуть не убившем ее дочь.

Закопать подпольную лабораторию казалось мне разумным решением. За совершенные преступления погибшего зельевара невозможно было осудить, а значит, существовала вероятность, что лабораторию, поджог и отравления доброжелательные законники могут привычно повесить на меня. Что в итоге означало бы крупные неприятности для лорда Кастанелло.

«Жду вашего возвращения домой. Ваш Майло», — написал он в конце.

«Домой. Майло». Отчего-то это значило для меня больше, чем погребенная в земле лаборатория и любые бумаги Арджеро.

Письмо привезла выписанная из Аллегранцы модистка. Женщина сноровисто сняла с меня мерки, показала образцы тканей, фасоны платьев, модели сапожек и туфель. Определившись с заказом, она уже через пару дней прислала несколько смен платья, а остальное, по распоряжению лорда Кастанелло, должно было ждать в поместье. Такая щедрость привела меня в некоторое смущение. Признаться, события последних недель безумно вымотали, и мне даже не пришло в голову попросить гардероб взамен сгоревшего.

Зато Майло подумал об этом.

— Ох и повезло же вам с супругом, — щебетала горничная, помогая зашнуровывать новое платье. — Не всякий готов расщедриться на такие подарки, уж поверьте. Вы, миледи, должно быть, счастливица.

Я только кивнула, не особенно желая поддерживать разговор, хотя чувствовалось, что девушке не терпелось услышать подробности моей семейной жизни. Здесь, в крохотной высокогорной деревушке на окраине земель Аллегранцы, люди ничего не знали ни обо мне, ни о лорде Кастанелло. И вряд ли наша настоящая история привела бы юную горничную в такой же восторг, как ее собственные романтические фантазии.

Сказать по правде, мне нечего было рассказывать. Еще месяц назад я готова была на все что угодно, лишь бы избавиться от навязанного брака и покинуть поместье, полное страшных тайн и затаившихся недругов. Но все изменилось, и сейчас я с нетерпением ждала, когда же наконец смогу вернуться домой. Услышать историю Даррена. Снова увидеть Майло.

Горничная удалилась через боковую дверь, чтобы отнести мои купальные принадлежности в прачечную. Я собиралась

было выйти из кабинки и отправиться на обед, когда дверь в соседнем помещении хлопнула. За тонкой стенкой послышалось чье-то хихиканье и приглушенные голоса. И я отчетливо различила свое имя.

Против воли застыла, вслушиваясь в чужой разговор.

— Я видела ее сегодня за завтраком, представляете, душечка? — донесся громкий шепот незнакомой девицы. — Сидит за отдельным столиком, словно настоящая леди. Но я-то знаю...

— Почтенная леди Олейния себе все глаза выплакала, а она вон, по курортам разъезжает! — поддержала ее подруга.

Я вздрогнула. Упоминание леди Осси, матери моего несостоявшегося супруга Эдвина, вновь вернуло меня в тот день, когда молодой лорд погиб почти у меня на глазах, погиб столь чудовищно и нелепо. И след ментальной магии, найденный на нем, толкнул меня на костер. Тогда я считала себя невиновной. Теперь же...

Слишком многое открылось мне в последние месяцы. Даррен, ребенок лорда Кастанелло, носивший на себе непроходящий отпечаток ментального воздействия и способный мысленно общаться со мной. Воспоминания, обрывочные, неясные, в которых некто, всегда державшийся в тени, мог передавать через меня свои приказы. И конечно же Арджеро, чья черная душа чуть не поглотила меня, когда я попробовала остановить его с помощью своих странных способностей.

Действительно ли я была менталистом? Мог ли Эдвин погибнуть из-за меня? Могла ли я повлиять на смерть Лайнуса Честера, если столь часто видела его гибель в кошмарах? У меня не было ответа.

— Вот же выскочка! Отхватила себе очередного богатея, а теперь ждет, пока и этот не окажется в могиле, — припечатала девица.

Внутри поднялась волна злости. Откуда им знать, как близко подошел лорд Кастанелло к последней черте и каких сил стоило вновь вернуть его к жизни. Я слишком хорошо помнила тот парализующий страх — страх потерять Майло, что испытала, когда единственной тонкой ниточкой, удерживавшей его в мире живых, оставалась неровная пульсация брачного браслета. Думать об этом до сих пор было больно.

— Ну, тут не скажи, — возразила вторая. — Лорд Кастанелло и сам кого хочешь в могилу сведет. Разве не слышала? У него две жены одна за другой скончались три года тому назад.

— Считаешь, и с этой справится?

Подруги замолчали, словно обдумывая эту мысль.

— Если справится — это только к лучшему. Жизнь в Аллегранце станет гораздо спокойнее без этой парочки. Ну да ничего. Мне тут шепнули по секрету, что скоро и на них найдется управа.

Раздались скрип дверцы и шуршание юбок — девушки покинули кабинку, спеша за обедом присоединиться к другим гостям медицинского центра. Выждав несколько минут, я вышла и медленно побрела к себе, не слушая увещаний вернувшейся горничной. Аппетит пропал. Мысль о том, чтобы провести хоть одну лишнюю минуту в окружении людей, подобных двум словоохотливым купальщицам, вызывала глухое раздражение.

Казалось бы, вокруг меня всегда было слишком много сплетен, да и личную жизнь лорда Кастанелло в свое время обсуждали на каждом углу, но отчего-то подслушанный разговор оставил неприятный осадок.

О какой такой «управе», собственно, шла речь?

* * *

Вещи уже собрали. Оставив попытки убедить меня хотя бы выпить чая перед долгой дорогой, горничная подхватила чемоданы и поспешила вслед за мной к воротам медицинского центра, где уже должна была ждать присланная из Аллегранцы карета. Я наслаждалась недолгой прогулкой, полной грудью вдыхая свежий горный воздух, но мыслями была уже на пути домой.

Широкая аллея, с двух сторон обрамленная свечами тополей, оказалась пуста, но небольшую крытую площадку, удобную для подъезда карет и экипажей, заняли другие отъезжающие гости. Я разглядела среди деревьев белый халат старшего лекаря и синие платья горничных. Рядом стояло с десятков разномастных чемоданов и сумок. Лекарь что-то терпеливо объяснял невысокой леди в черном платье.

Не желая лишний раз пересекаться с гостями и персоналом медицинского центра, я остановилась в десяти шагах от дороги. Кареты все еще не было.

— Миледи, — донесся до моего слуха голос лекаря. — Я настоятельно рекомендую вам продолжить лечение. Вам нужен отдых. Излишнее нервное напряжение только ухудшит ваше здоровье.

— Ах, оставьте меня в покое, господин... как вас там, — с надрывом проговорила леди, и я вздрогнула от узнавания. Высокий голос с визгливыми нотками принадлежал матери Эдвина, леди Олейнии Осси. Каким-то невероятным образом мне повезло ни разу не столкнуться с ней за те три недели, что я провела в центре, но, похоже, на этом везение закончилось. — Как вам понять чувства матери! Ведь никто, никто, кроме меня, и пальцем не пошевелит, чтобы добиться справедливости! Никто не проявит и капли жалости к несчастной страдающей женщине. — Она всхлинула нарочито громко. — А значит, я поеду. Буду умирать — но поеду! Пусть хоть Гранна выйдет из берегов, но вы меня не остановите!

— Как ваш лекарь я настаиваю, чтобы вы воздержались...

Из-за поворота послышался стук копыт. Подобрав юбки, леди Осси решительно направилась к карете, но возница не спешил распахивать перед ней дверь. В ответ на короткий вопрос лекаря он отрицательно покачал головой. Мужчина повернулся к леди Олейнии, возмущенно переступавшей с ноги на ногу на краю площадки.

— Сожалею, но эту карету прислали за другой гостьей. — Он посмотрел на аллею и, увидев меня, приветственно махнул рукой. — Леди Кастанелло, вас ожидают.

— Леди Кастанелло?

Почтенная леди Осси медленно и неотвратимо развернулась вслед за лекарем. Внутренне смирившись с тем, что скандала не избежать, я подошла ближе.

Гибель Эдвина стала для леди Олейнии сильным ударом. Я подметила новые морщины, темные круги вокруг глаз, которые не могли скрыть дорогие тени и пудра, бледность лица, подчеркнутую закрытым траурным платьем. Леди постарела и сгорбилась от боли. Сердце кольнуло острое чувство вины — за мой чересчур здоровый и цветущий вид, за зеленый шелк костюма с одной лишь черной лентой в волосах, за радостные мысли о скором возвращении в Аллегранцу.

Круговерть событий в поместье лорда Кастанелло затянула меня, не оставив времени для того, чтобы в полной мере осознать и пережить смерть человека, за которого я всего три месяца назад собиралась выйти замуж. Только сейчас, перед лицом чужого горя, я осознала, что почти не вспоминала Эдвина, и знание это наполнило мою душу непереносимым чувством стыда.

«Я любила Эдвина. Любила», — повторила мысленно, словно заклинание, но слова отчетливо отдавали пустотой и фальшью. Никогда еще я не чувствовала себя настолько двуличным, черствым и дурным человеком.

— Я счастлива вновь увидеть вас, миледи. — Лицо леди Осси исказила кривая улыбка, которая со стороны могла бы показаться дружелюбной, если бы не холодный колкий взгляд. — Как вам горячие источники? Вижу, с нашей последней встречи вы похорошели и даже, кажется, поправились. Горный воздух помогает восстановить подорванное нервным расстройством здоровье, не так ли? Жаль, что вам не удалось посетить похороны. Новый супруг не дал своего разрешения, я полагаю? Надеюсь, вы не слишком разочарованы скоропалительным замужеством? По крайней мере, раз лорд Кастанелло не нуждается в отдыхе и лечении, он оказался более живучим, чем предыдущие четыре ваших несчастливых супруга.

Слова хлестали по щекам больнее пощечин. Я стояла, стискивая в руках чемодан, и не знала, что ответить. Рядом беспомощно топталась горничная.

— Миледи, — раздался негромкий голос лекаря. — Лишние волнения вредны для вашего здоровья. Вы еще успеете решить все ваши вопросы с леди Кастанелло, как только и вы, и она будете чувствовать себя лучше. А сейчас...

— Что вы, господин лекарь, я совершенно спокойна, — обманчиво мягко произнесла леди Осси. — Еще немного, и у меня не останется совершенно никаких причин для волнений. Равно как, я надеюсь... — Она посмотрела на меня с едва скрытым мрачным торжеством. — И у леди Кастанелло. Миледи, полагаю, вы не откажетесь уступить мне карету?

Бросив на меня вопросительный взгляд и не получив ответа, возница пожал плечами и распахнул дверь перед леди Осси. Она села внутрь, жестом приказав служанкам грузить чемоданы.

— Надеюсь на скорую встречу, миледи. — Леди Олейния взглянула из окна экипажа. — Все-таки мы с вами не чужие люди. Можно сказать, практически семья.

Я промолчала. Возница хлестнул поводьями. Карета сорвалась с места и скрылась за поворотом.

Старший лекарь подошел ближе и успокаивающе прикоснулся к моей руке с брачным браслетом.

— Позвольте я настрою артефакт согласно указаниям вашего супруга. И простите за эту сцену, миледи.

— Вы здесь ни при чем.

Мужчина мягко улыбнулся.

— Всякий горюет по-своему. Не вините себя, что не соответствуете чужим ожиданиям.

Я только покачала головой. Лекарь и не представлял, насколько на самом деле права леди Осси, обвиняя меня в гибели Эдвина. Пусть я и не имела понятия, как это сделала, отрицать собственную причастность казалось бессмысленным.

Ментальная магия была опасна. Я была опасна. И если лорд Кастанелло... если хотя бы еще один человек пострадает по моей вине...

Этого я себе никогда не прощу.

* * *

Мерно покачиваясь на рессорах, наемная карета уносила меня прочь от предгорий в долину, где посреди покрытых молодой травой холмов раскинулась красавица Аллегранца. Величественная Гранна, напитавшись водами горных ручьев и рек, широко разлилась за плотной стеной деревьев слева от дороги. То там, то тут попадались желтые домики и крохотные городки с высокими шпилями ратуш, проносились мимо кареты, всадники на лошадях и груженные повозки, запряженные неповоротливыми мулами. Крестьяне приветливо улыбались вознице.

Я безучастно смотрела в окно. Слова незнакомых купальщиц и намеки леди Осси породили в душе смутное предчувствие надвигающейся беды. Хотелось поскорее оказаться дома и убедиться, что с лордом Кастанелло, Дарреном, Мелией, Альберто, семейством Ленсов и остальными домочадцами все в порядке. Ведь угроза, которую представлял собой менталист с красным камнем на пальце, никуда не ушла, Майло и я все еще находились в опасности, и нужно было как можно скорее приступить к поискам таинственного кукловода, стоявшего за всеми убийствами и бедами лорда.

Чем ближе мы подъезжали к Аллегранце, тем оживленнее становилась дорога. Пришлось постоять на въезде у Северных ворот, ожидая, когда законники досмотрят повозки, доставлявшие товары на субботнюю ярмарку. Вереница карет еле двигалась, и мне оставалось лишь недоумевать, отчего возница предпочел пробираться через город.

На улицах былолюдно. Горожане направлялись на ярмарку, гуляли в парках и скверах, радуясь теплому весеннему дню. То

тут, то там попадались рабочие, которые возились с уличными фонарями, вытаскивая из гнезд накопители. Мальчишки продавали газеты, звонко выкрикивая броские заголовки, и мне казалось, что пару раз я различила имя лорда Кастанелло, но слышать точно среди уличного гама оказалось невозможно.

У Ратушной площади карета снова остановилась. На этот раз проезд полностью перекрыли — впереди до самого конца улицы уже скопилось с десятков карет и экипажей. Недовольные пассажиры перекрикивались с дежурным законником.

— Полчаса здесь постоять придется, миледи, — пояснил возница, когда я выглянула из окошка, привлеченная шумом. — У здания суда происходит что-то важное, а объехать теперь уже никак не получится.

Я пожалала плечами, смиряясь с неизбежной задержкой.

По случаю ярмарки Ратушная площадь, просматривающаяся сквозь узенькие боковые переулки, пестрела шатрами торговых палаток. Вокруг толпились перекрикивающие друг друга горожанки с корзинками. Наперегонки бегали дети, гудел многоголосый птичий рынок, а вдалеке переливалась разноцветными огнями карусель. Привычная суeta большого города захватила меня, отвлекая от мрачных мыслей, и я невольно улыбнулась.

Переговорив с возницей, я выбралась из кареты, пообещав скоро вернуться, и быстрым шагом дошла до границы ярмарки. Медленно прошлась между палатками, разглядывая выставленные товары, впитывая дыхание Аллегранцы, позволяя городскому ритму хотя бы на несколько минут затянуть меня в свою веселую суматоху.

У здания суда действительно собралась немаленькая толпа. Люди оживленно перешептывались, показывали пальцами. Из любопытства я подошла ближе, заглянула через чье-то плечо.

Площадь перед отдельным входом, предназначенным для заключенных, находящихся под стражей, оказалась оцеплена законниками. Черная закрытая карета, такая же, как та, в которой когда-то увезли меня из городского дома лорда Осси, выехала из пустынного переулка и остановилась почти у самых дверей. На пороге я различила знакомую сухую фигуру господина дознавателя, а рядом стоял не кто иной, как сам лорд Ранье. Рядовой законник, на поясе которого опасно светилось энергетическое оружие, открыл дверцу кареты, выпустив жуткого вида мужчину в полосатой одежде каторжника и нескольких охранников. Заключенного подхватили под руки и увели в

здание суда. Господин дознаватель последовал за ними, городской глава дождался кого-то еще.

По мостовой снова загрохотали колеса. Люди повернули головы, разглядывая подвезжающих. Мельком брошенного взгляда хватило, чтобы узнать карету и понять, кто находился внутри. Сидевший на козлах возница был именно тем, кого лорд Кастанелло прислал, чтобы отвести меня домой. А за окном угадывался резко очерченный профиль леди Осси.

Вдоль позвоночника пробежал неприятный холодок. Я попыталась, надеясь, что никто не заметил меня в толпе зевак. Хотелось верить, что присутствие леди Осси на суде над незнакомым заключенным не имеет отношения ко мне, но на душе все равно стало беспокойно.

* * *

В поместье удалось добраться уже затемно. Возница долго петлял по Аллегранце, пока наконец не выехал к Восточным воротам, откуда дорога вела в леса, где находилось уединенное поместье лорда Кастанелло. Через несколько бесконечных часов передо мной наконец показался знакомый дом, приветливо сверкавший сквозь деревья теплым светом окон.

Они ждали меня. Стоило карете въехать в главные ворота поместья, как я отчетливо и ясно различила на пороге дома несколько фигурок с фонарями в руках. Невысокая полноватая Мелия стояла рядом с худощавым господином Сфорци, Лоисса — живая и здоровая, но, кажется, несколько растерявшая свой молодой задор, — прижималась к матери. Чуть в стороне ожидали одинаковые с виду братья Ленс. Госпожа Ленс замерла у распахнутых дверей. Я упорно искала взглядом Майло, но, похоже, лорд Кастанелло был где-то в доме и не стал выходить ради того, чтобы встретить супругу.

Отчего-то неприятно и грустно сжалось сердце.

— Миледи! Вот вы и дома!

Мелия радостно помахала мне с порога. Братья проворно сбегали вниз, Густаво распахнул передо мной дверцу, Джакомо достал из кареты багаж. Я с улыбкой поспешила навстречу слугам, только сейчас в полной мере осознав, как же я соскучилась.

Горничная сразу же заключила меня в крепкие объятия.

— Ох, и сколько же тут всего произошло, пока вас не было, миледи, — бойко затараторила она, увлекая меня в дом. — Лоисса моя совсем поправилась и уже вернулась на кухню. Да еще и

мудреные заморские блюда выучила, пока в городе оставалась, так что теперь, ежели захотите, и рис, и мясо, и кофе трех видов можно заказывать. А госпожа Марта уходит надумала, ждет теперь, пока милорд согласие даст и подберет нам новую экономку. Вы уж поговорите с ней, миледи, может, убедите еще остаться. А то милорду сейчас не до нас. Забот у него... — Мелия неопределенно махнула в сторону комнат лорда.

— Милорд Кастанелло... как он? — запинаясь, спросила я.

Горничная фыркнула.

— Весь в делах, как и всегда. Лекарь раза три приезжал, уговаривал милорда хотя бы недельку отдохнуть, но куда там. С утра до вечера лорд Майло в разъездах, ночами работает, зелья пить отказывается, а лекаря и вовсе велел на порог не пускать, чтобы не отвлекал. Что-то с работой неладное творится, ну да мы не сильно вникаем в это, миледи. — Она хитро глянула на меня и тут же добавила: — Но вы не подумайте, он вас ждал сегодня. Просто карета ваша припозднилась, вот он и ушел к себе. Сказал, что спустится к ужину, а у вас зато будет время привести себя в порядок с дороги.

Мелия проводила меня внутрь. Поместье неуловимо изменилось. Темное мореное дерево и мрамор облицовки сменили неброские шелковые обои, лестница сверкала отполированными ступенями. На смену тяжелым портьерам пришли атласные шторы, и коридор, всегда казавшийся погруженным в мрачный полумрак, стал как будто светлее, хотя вместо удобных плафонов с кристаллами-накопителями на стенах закрепили старые светильники. Сгоревшие парадные портреты рода Себастьяни сменили иллирийские пейзажи. У окон стояли крупные кадки с цветами. Дом словно пробудился от многолетней спячки, наполнился жизнью и едва ощутимым предвкушением возможного счастья.

Я невольно бросила взгляд в сторону хозяйского крыла, где, должно быть, сейчас находился лорд, и почувствовала, что неудержимо краснею.

— Нравится вам наша обстановка? — Мелия довольно улыбнулась. — Это мы с госпожой Мартой устроили. Старались для вас с милордом, как могли. Жаль, вас, миледи, не было, чтобы совета спрашивать, ну да милорд Кастанелло сказал, что, ежели вам что-то не понравится, все переделаем по вашему вкусу.

Я поспешила заверить ее, что все в порядке. Мне действительно понравилось новое убранство поместья. Похвала привела

горничную в восторг. Она приосанилась, гордая тем, что сумела угодить хозяевам дома.

Моя комната, как и прежде, располагалась в конце гостевого крыла второго этажа. Все внутри казалось новым и непривычным, но я полагала, что отлично здесь устроюсь. Кровать застелили благоухающим свежестью бельем, в огромном шкафу висели новые платья.

— Какой же вы, миледи, стали красавицей, — довольно заключила Мелия, оглядывая меня со всех сторон. — Посвежели, похорошели. Уже не такая заморенная пташка, какой вас лорд из Аллегранцы зимой привез. А платье-то как вам идет. Милорд увидит — дара речи лишится, слово даю. Я ему так и сказала: пришлите, мол, к супруге модистку, негоже леди в простых тряпках ходить. Ну, не буду мешать. Отдохните с дороги и спускайтесь ужинать, а я извещу милорда.

Внимание горничной окончательно смутило меня. Приблизившийся ужин с супругом вызывал нервный трепет. Я наскоро ополоснулась, сменила платье, поправила прическу, но все это несколько не помогло отвлечься и успокоиться.

Скрипнула неплотно прикрытая дверь. В комнату серой тенью проскользнул Милорд-кот. Сверкнув желтыми глазищами, он подошел ко мне, потерся о лодыжки. Я села на кровать, похлопала по покрывалу рядом с собой, и зверь тут же запрыгнул ко мне, завозился, устраиваясь на коленях. Почесав кота за ухом, я услышала его довольное мурчание.

А в следующее мгновение ощутила легкое, едва заметное прикосновение к своему разуму. Отголоски чужих эмоций — недоверие, смешанное с робким любопытством, — были похожи на слабое горное эхо.

Даррен. Сын лорда Кастанелло, спрятанный ото всех в маленьком домике на границе территории поместья из-за странных всплесков ментальной энергии и приступов, едва поддающихся контролю. Я почти ничего не знала ни о нем, ни о природе его болезни. Но мальчик дважды спасал меня, и меньшее, что я могла сделать, — это помочь Майло вылечить сына.

И все же невидимое присутствие Даррена в моем разуме приводило меня в замешательство. Я не знала, отчего возник наш контакт, насколько прочна и глубока эта странная связь. Да и сам мальчик... Как я должна была вести себя с ним?

Каким-то образом он ощутил мою неуверенность. Контакт разорвался — Даррен словно отшатнулся от меня, отпрянул, расстроенный и обиженный моими сомнениями. Ощущение

чужого присутствия в моем разуме пропало, и внезапная тишина и пустота напугали. Я потянулась за ускользающей нитью ментальной связи всем телом, стремясь ухватить ее, сохранить хрупкий мостик, перекинутый ко мне одиноким мальчиком.

— Даррен! — воскликнула я, но этим только испугала урчащего на моих коленях Милорда-кота.

Зверь отпрыгнул в сторону и во все глаза уставился на меня. В его взгляде, неожиданно человеческом, чувствовался легкий укор. Я рассеянно погладила кота, извиняясь за резкий порыв, замерла, прислушиваясь к внутренним ощущениям, и с радостью осознала, что все еще чувствовала незримое присутствие ребенка.

— Миледи, ужин готов, — раздался из коридора голос Мелии.

Глубоко вздохнув, я поднялась с кровати и оправила платье. Пора было идти вниз.

Столько раз я представляла нашу с лордом Кастанелло встречу, первую после долгой разлуки, столько думала о ней тихими вечерами в медицинском центре. Я без конца убеждала себя, что нет причин для волнений. Когда-то лорд Майло Кастанелло вызывал у меня вполне объяснимый ужас, вызванный таинственными смертями его жен и зловещей сторожкой, но все это осталось в прошлом, и старые страхи не имели надо мной власти. Мы с супругом, объединенные общей целью и общей тайной, больше не подозревали друг друга. Так отчего же я никак не могла унять нервную дрожь, словно моя судьба зависела от этой встречи?

Медленно спускаясь по парадной лестнице, я чувствовала необъяснимое волнение. Пальцы то суетливо пробегали по подолу, разглаживая несуществующие складочки, то аккуратно заправляли за ухо выбившиеся из прически волоски. Лиф нового платья казался слишком тугим — или это я не могла заставить себя сделать вдох? В ушах отдавался быстрый стук сердца.

Пять ступеней, три. Господин Сфорци распахнул передо мной двери малой гостиной. Набравшись решимости, я сделала шаг.

Он. Был. Там.

Лорд Кастанелло — Майло — стоял напротив камина, вороша прогоревшие угли. Кристаллический накопитель отсутствовал, и настоящий живой огонь отбрасывал на лицо супруга мягкий желтоватый отсвет. Я смотрела и не могла отвести взгляда.

Лорд выглядел не таким больным, как в нашу последнюю встречу, но мелкие морщинки и круги под глазами никуда не делись и выдавали беспокойство и усталость. Приглядевшись, я заметила седину на висках. Меньше месяца назад лорд находился на грани смерти, и это не могло не оставить на нем своего отпечатка.

Увидев меня, он подошел ближе. Я замешкалась, не зная, как к нему обратиться. Лорд Кастанелло? Майло? Можно ли, уместно ли? Помнит ли он, что сам предложил мне отбросить формальности? В эту секунду я совершенно не понимала, кем мы были друг для друга. Слишком многое произошло — его предложение развестись, пожар в поместье, отравление лорда, мое короткое знакомство с Дарреном и смерть зельевара Руджеро Бренци, причины которой мы сохранили в тайне. Быть может, лорд Кастанелло все еще продолжал искать способы расторгнуть наш брак? Или, напротив, хотел всеми силами удержать меня рядом, но лишь потому, что я оставалась единственным человеком, который мог слышать его сына.

После тех событий мы едва успели перемолвиться парой фраз. Лихорадка окончательно одолела меня, стоило покинуть сторожку, и все, что я помнила — короткий разговор с врачом, темноту кареты и прохладные ладони Майло на висках. Я пришла в себя уже в медицинском центре, где и узнала, что по настоянию супруга мне предстоит провести три недели в горах, залечивая ушибы и трещину в ребре, восстанавливая вычерпанный магический резерв и тщательно оберегая нервы от любых дурных вестей из Аллегранцы.

— Милорд, — наконец произнесла я.

Тень улыбки мелькнула на губах супруга.

— Миледи. Добро пожаловать домой.

«Домой». Это короткое слово словно выбило воздух из легких. Я замешкалась, не зная, как реагировать, и почти рухнула в заботливо отодвинутое для меня кресло. Майло зажег свечи, разлил по бокалам вино. Он не спешил приступать к ужину и лишь смотрел — долго, пристально, будто пытаясь понять, что же за женщина сидит сейчас перед ним. Моя растерянность, должно быть, забавляла его, но я все никак не могла преодолеть собственную столь некстати возникшую неловкость.

Супруг заговорил первым:

— Мне кажется, в прошлый раз мы с вами не с того начали. Поэтому давайте начнем все сначала. Лорд Майло Кастанелло. Счастлив наконец познакомиться с вами, миледи.

— Расскажите о себе.

Вопрос лорда Кастанелло застал меня врасплох. Я никак не могла понять, что именно он хотел услышать. За время пребывания в горах я нередко вспоминала ту давнюю ночь на крыльце домика садовника, когда Майло в первый раз спросил о моем прошлом, и каждый раз убеждалась, что, кроме звезд и полумесяца широкого залива, я почти ничего не помню о своей жизни до Аллегранцы. Родители, братья или сестры, если они у меня действительно были, дом, где я провела детство, — все представлялось в смутных, полустертых образах. Слишком сильно это напоминало тот черный провал, что остался в моей памяти от жизни с первым супругом.

— Я...

Лорд Кастанелло по-своему истолковал мое замешательство.

— Хорошо, тогда начну я. — Он улыбнулся. — Так вот...

Лорд говорил долго. Майло Кастанелло оказался коренным уроженцем Аллегранцы. Семья его отца, в прошлом успешно занимавшаяся изготовлением сложных артефактов, потеряла влияние и почти разорилась задолго до рождения последнего наследника. Остатки состояния прокутил старший Кастанелло, и почти все имущество некогда уважаемого и древнего рода пошло с молотка. Дольше всего продержался старый городской дом. Отец, мать и девятилетний Майло перебрались оттуда в меблированные комнаты незадолго до того, как мальчика на последние средства отправили в пансион для магически одаренных отпрысков знатных семейств.

В Аллегранцу он вернулся уже сиротой. Эпидемия, прокатившаяся той зимой по долинам Гранны, унесла жизни многих людей, а чета Кастанелло жила в слишком стесненных условиях, чтобы позволить себе хорошего лекаря. Заботу о юном Майло, проявившем отличные способности в магических науках, взяли на себя Корона и семейство Себастьяни, оказывавшее покровительство молодым и талантливым артефакторам. Обучение последнего лорда Кастанелло было оплачено из городской казны, и долг этот Майло через несколько лет вернул сторицей.

— Много позже мне удалось выкупить наш старый дом. — Супруг скупно улыбнулся. — Он находится в старой части Аллегранцы, недалеко от Ратушной площади — довольно удачное расположение для городского жилья. Могу взять вас с собой,

когда в следующий раз соберусь на несколько дней в город, если хотите.

Я кивнула, обрадованная его предложением. То, что лорд Кастанелло был готов впустить меня в свою жизнь, отозвалось внутри волной теплоты.

— В шестнадцать лет, — продолжил он. — Я поступил в Королевский университет Аллегранцы. Первое время меня интересовала теория организации магических потоков, и я даже подумывал по окончании обучения попроситься ассистентом к профессору, но потом переключился на практические изыскания, экспериментировал, создавая синтетические кристаллы и занимаясь перераспределением энергии в накопителях. Эта малоизученная область сулила огромные коммерческие перспективы. Я чувствовал, что стою на пороге настоящего технологического прорыва.

Лорд пустился в объяснения. Он порывисто встал из-за стола, принес бумагу, перо и чернила. Несколькими штрихами набросав карту магических потоков, Майло наклонился ко мне, пододвинул лист ближе. Лицо его оживилось, в голосе зазвучало такое неподдельное воодушевление, что я невольно заслушалась, прикладывая все усилия, чтобы разобраться в хитросплетениях недоступной мне высшей магии.

Я заворожено смотрела, как Майло рисовал чертежи первых созданных им кристаллов, показывая, как ему удалось разработать схему для выточки особого накопителя, способного подзаряжаться от других кристаллов и напитываться магией даже от самого слабого артефактора.

— Понимаете, Фаринта, — увлеченно проговорил он. — Оказалось, что если подобрать правильный сплав и провести специальную обточку после формирования основы, одновременно выстраивая магические потоки, можно получить синтетический кристалл, по свойствам почти идентичный привычным для артефакторов драгоценным камням. Первая фабрика «Современных магических технологий» занималась именно изготовлением подобных кристаллов, а уже после нам удалось автоматизировать процесс...

Лорд вдруг осекся и посмотрел на меня немного виновато.

— Простите, миледи, я заговорился. Для вас, наверное, это слишком утомительно. Мало кого интересуют детали работы с артефактами, а в особенности женщин... — почувствовав, что он вновь сказал что-то не то, супруг окончательно умолк.

— Нет, что вы! — поспешно выпалила я, от души желая, чтобы он продолжил рассказывать о своих изысканиях. — Я слушаю с удовольствием. Признаться, я давно вами восхищаюсь... как ученым, — добавила, вдруг смутившись. — В университете нам часто рассказывали о СМТ... и о вас тоже.

Лорд фыркнул, и я, покраснев, опустила взгляд. На минуту я словно бы перенеслась в то время, когда училась в университете и, слушая восторженные рассказы артефакторов-старшекурсников о практике на фабриках и в лабораториях СМТ, отчаянно завидовала, мечтая стоять вместе с ними на передовой линии прогресса. Лорд Кастанелло тогда казался фигурой почти мистической: обласканный Короной, любимый профессорами и студентами. Меня всегда тянуло к таким людям.

Я поймала себя на мысли, что действительно восхищалась лордом Кастанелло задолго до нашего странного знакомства у костра на Ратушной площади. И вдруг представила, какой бы была моя жизнь, сложись все иначе...

Ведь Майло и я могли бы встретиться в стенах университета — на лекциях, с которыми он иногда выступал перед студентами старших курсов артефакторики, или в одной из многочисленных кофеен, раскинувшихся вокруг университетского городка. Как знать, заметил бы он меня в толпе восторженных студенток? Подошел бы? В те годы лорд Кастанелло уже был вдовцом, да и я встретила своего четвертого жениха Эдвина Осси лишь прошлым летом...

Быть может, если бы тогда, в ратуше, во время подписания брачного контракта, он не повел себя столь бесцеремонно и холодно, если бы не запер меня в доме без единого объяснения, я бы и не подумала искать возможности для бегства. Не было бы нашего отчуждения и его сомнений. Я ни минуты не сомневалась, что, расскажи он мне сразу о проблемах своего сына, я согласилась бы помочь мальчику без раздумий. Как зельевар и ученица Кауфмана я могла бы изготавливать нужные зелья прямо в поместье. А если бы я сумела понять, как и отчего слышу Даррена...

И наш случайный брак со временем мог перерасти в нечто большее. Сделаться важным не только для меня, но и для самого лорда. Мы смогли бы стать настоящей семьей. Если бы только...

Наполненные укоризной образы Эдвина и леди Осси возникли перед мысленным взором, заставив опустить взгляд еще

ниже. Из-за того, как отчаянно гулко сейчас билось мое сердце, я ощущала себя почти предательницей.

— Как вам удалось так быстро создать целую промышленную империю? — спросила я, отчасти чтобы отвлечься от неприятных мыслей, отчасти потому что мне действительно хотелось знать.

— У меня были смелые мечты, амбициозные планы и верные друзья с полезными связями. — Лорд вновь улыбнулся, но улыбка его показалась мне невеселой. Прежнее оживление прошло, уступив место привычной сосредоточенности. — Имея это, добиться всего остального не так уж и сложно.

Я замолчала, обдумывая сказанное Майло. Сейчас он чем-то напомнил мне Лайнуса Честера, моего второго мужа. Вот только идеи Лайнуса редко приносили плоды, а лорду Майло Кастанелло, более вдумчивому, последовательному, обладающему холодной головой и железной хваткой, удалось изменить нашу повседневную жизнь всего за какой-то десяток-другой лет.

— Во время учебы университет отказался предоставить мне доступ в лабораторию и финансировать исследования, — проговорил он. — После небольшого... происшествия ректорат уведомил меня, что такое уважаемое учебное заведение, как Королевский магический университет Аллегранцы не приветствует проведения в своих стенах сомнительных экспериментов и подозрительных опытов. Они не видели перспективы в моих разработках и не были заинтересованы в их продолжении.

За столом ненадолго воцарилось молчание. Лорд задумался о чем-то своем, я же, почти не дыша, ожидала продолжения рассказа.

— СМТ никогда не появилось бы на свет, если бы не Элейна и Фабиано Себастьяни. Они поверили в меня, разделили мои дерзкие идеи, вложили средства из собственного кармана в нашу первую экспериментальную лабораторию. Она располагалась именно здесь, в этом поместье, пустовавшем после смерти его хозяйки, Отгавии Розельди. Сарай, позже перестроенный в гараж, и стал нашим первым прибежищем. Элейна помогла мне в исследованиях. Ее идеи...

Лорд прикрыл глаза, словно отдаваясь воспоминаниям, но на короткое мгновение мне удалось увидеть промелькнувшую в его взгляде тоску.

— Фабиано сумел найти влиятельных покровителей и богатых инвесторов для нашего проекта, и уже через полтора года мы выкупили небольшую стекольную фабрику на окраине Ал-

легранцы и переоборудовали ее для производства искусственных кристаллов, — ровным голосом произнес супруг, но чувствовалось, что рассказ приближался к черте, после которой воспоминания уже не доставят ему радости. — А еще через год мы с Элейной перерезали ленточку на дверях главного здания «Современных магических технологий». Полагаю, вы читали об этом. Газетчикам всегда нравилось освещать все, что касалось Лейни. Она была... — Лорд Кастанелло не стал продолжать. На его лбу пролегла горестная вертикальная складка. — А потом родился Даррен, и... Думаю, все остальное вы знаете.

Я хотела спросить, что случилось с Дарреном и леди Элейной, но что-то в лице лорда Кастанелло остановило меня от того, чтобы поднимать не самую приятную для него тему. Вместо этого мне вспомнились брошенные вскользь слова Мелии, полное отсутствие накопительных кристаллов в доме, рабочие, суетившиеся вокруг уличных фонарей в Аллегранце, усталый вид Майло и его загруженность делами — все складывалось в единую неутешительную картину.

— Насчет СМТ... По дороге домой мы проезжали по городу, — негромко произнесла я. — На центральных улицах разбирают фонари с накопителями.

Лорд Кастанелло поморщился.

— Не ожидал, что все произойдет так быстро. Сайрус подписал приказ всего два дня назад, и я надеялся, что у меня еще есть время до начала следующей недели.

— Это связано с пожаром?

— Городской совет опасается повторения того, что случилось в поместье. — Губы Майло сжались в тонкую линию. — Согласитесь, подобная цепная реакция в масштабах города может привести к катастрофе.

— Но ведь кристаллы были обработаны взрывчатым веществом, зельем, сдетонировавшим при активации накопителей, — воскликнула я. — Неужели законники все еще не обнаружили на изъятых из поместья образцах следы циньби?

— Это выявили в первый же день, еще до... всего, что случилось с Бренци. Однако законники и совет настояли на более тщательной проверке. Я вызвал специалистов из Ромилии, но исследования все еще ведутся, а газетчики моментально уцепились за возможность раздуть ненужную панику. Отсюда и результат. — Лорд помассировал пальцами виски. — Все это добавило мне и моим сотрудникам немало головной боли.

Я виновато посмотрела на него из-под полуопущенных ресниц. Выходит, пока я отдыхала, гуляя в предгорьях, лорд продолжал работать, не давая себе ни минуты передышки. А ведь в тот немислимо долгий день не только я, но и он оказался на волосок от смерти и едва справился с тяжелейшим отравлением.

Поймав мой взгляд, лорд Кастанелло устало улыбнулся.

— Не берите в голову, миледи, я в полном порядке. Не стоит портить ужин дурными разговорами о трудностях с СМТ — как я убежден, временных. Расскажите лучше о себе. Вы ведь в детстве жили у моря?

Воспоминания скрывал густой серый туман. Сталкиваться с ним лицом к лицу было жутко. Я постаралась воскресить в памяти мост над заливом и низкие яркие звезды, отражавшиеся в спокойной воде. Я уцепилась за этот ускользающий образ как за единственную спасительную ниточку и попыталась увидеть чуть больше, вспомнить еще хоть что-то, но в очередной раз потерпела неудачу.

Лорд Кастанелло терпеливо ждал моего ответа.

— Да... кажется, — неуверенно ответила я. Майло приподнял брови, на его лице возникло недоумение. — Милорд, я...

В дверь громко и настойчиво постучали. Господин Сфорци попросил разрешения войти. Он выглядел несколько обеспокоенным.

— Милорд, в холле ожидает человек с письмом из Аллегранцы, — сообщил дворецкий. — Он отказывается говорить с кем-нибудь, кроме вас.

Переглянувшись со мной, Майло велел проводить посыльного в гостиную.

На пороге возник неизвестный законник. Его форменный китель украшали серебряные нашивки судебного отдела. Мужчина смерил меня равнодушным взглядом и чеканным шагом подошел к лорду.

— Лорд Майло Кастанелло?

Майло поднялся из-за стола навстречу посыльному.

— Что случилось?

— Вы лорд Майло Кастанелло? — повторил законник, проигнорировав вопрос лорда.

— Да.

Законник протянул вперед руку в черной кожаной перчатке, словно хотел скрепить знакомство. Я напряглась, уже понимая, что последует за этим — мне доводилось сталкиваться с представителями судебного отдела после смерти Лайнуса.

Лорд Кастанелло казался спокойным. Он без промедлений ответил рукопожатием.

Строго говоря, он и не мог отказаться.

В момент, когда их руки соприкоснулись, в воздухе отчетливо проявилось свечение. Судебный посыльный активировал печать магического контракта: сургуч на зажатом в пальцах законника конверте полыхнул красным.

— Вас вызывают на предварительное слушание, — отекал мужчина. — Заседание состоится завтра в десять часов утра. Подробности дела будут сообщены на суде. Вызов получен в присутствии двух свидетелей, ваша явка на заседание обязательна. Отказ расценивается как признание вины.

Печать вспыхнула вторично, бросив на меня, лорда Кастанелло, господина Сфорци и законника тревожные красные отсветы. Посыльный вручил Майло запечатанный конверт и, развернувшись на каблуках, вышел вон. Дворецкий последовал за ним.

Меня разбирало любопытство по поводу содержимого конверта, но я не чувствовала, что вправе просить у лорда Кастанелло позволить мне ознакомиться с привезенной повесткой. Возможно, это что-то, связанное исключительно с делами СМТ, пусть подсознание и кричало об обратном.

Лорд вздохнул.

— Кажется, ужин окончательно испорчен. — Он невесело усмехнулся. — Вынужден оставить вас, миледи. Мне нужно подготовиться к слушанию, да и вы, должно быть, устали с дороги. Отдыхайте. Завтра на рассвете я уеду с почтовой каретой, а вечером, надеюсь, мы сможем продолжить наш разговор.

— Хорошо. Доброй ночи, милорд.

Его губы тронула улыбка.

— Доброй ночи, миледи.

* * *

Свежие простыни едва уловимо пахли лавандой, которой горничные перекладывали в шкафах белье. Через полуоткрытое окно в комнату проникал прохладный ветер, издали доносились шорохи леса, окружавшего поместье. Все вокруг было погружено в глубокий безмятежный сон, даже Даррен, как мне казалось, тихо спал безо всяких лекарств.

Я вернулась домой. Домой.

Как странно и необычно было осознавать, что в поместье действительно ждали моего возвращения. Что за какой-то ме-

сяц слуги лорда Кастанелло стали мне почти родными. Да и сам Майло...

Слишком взбудораженная, чтобы уснуть, я думала о супруге снова и снова. Прокручивала в голове наш разговор, вспоминая и заново подмечая незначительные, но казавшиеся сейчас столь значимыми, детали. Как он улыбался мне, как рассказывал о своих изысканиях и глаза его искрились живым огнем. Лорд предложил мне начать все сначала. Верил ли он, что, отбросив взаимное недоверие, мы сможем не только отыскать угрожавшего нам опасного менталиста, но и... создать что-то настоящее?

Семью?

Можно ли было создать семью, двигаться вместе навстречу общему будущему, когда прошлое — важное, безумно важное прошлое — оставалось скрытым от меня за серой пеленой, затянувшей разум? Как я могла помочь Даррену, если почти ничего не помнила о менталисте с красным перстнем? К кому в тот роковой день, так ярко отпечатавшийся в памяти водителя Майло, отвез мальчика Бренци? Может ли сам Даррен рассказать что-то о человеке, вызывавшем у него столь сильный безотчетный страх? Я постаралась воскресить воспоминания, отыскать среди нечетких разрозненных картинок хоть что-то, похожее на огромный зал с кристаллической люстрой из видений Даррена, или редкое обращение «моя драгоценная», но тщетно. Не было ничего, только пугающая серая муть.

Устав от бесполезных метаний, я решила спуститься вниз, чтобы выпить воды. Полутемный коридор был тих. Лишь вдалеке из-под двери, ведущей в покои лорда Кастанелло, пробивалась узкая полоска света. Похоже, лорд снова не спал.

Я представила его, корпящего над бумагами и устало потирающего виски из-за очередной бессонной ночи. Отчаянно захотелось сделать для него хоть что-нибудь, хоть чем-нибудь помочь. Вот только был ли от меня прок? Или...

На губах сама собой возникла улыбка. Я поспешила на кухню. Стараясь не греметь посудой, перебрала ящики и отыскала в хозяйстве Лоиссы нужные специи и травы. Разожгла плитку — кажется, единственную вещь в поместье, где еще оставались кристаллы. И принялась за работу.

У дверей лорда Кастанелло вся моя решимость улетучилась, и я замялась, не сразу набравшись смелости постучаться. Ответа не последовало. После секундного колебания я все же решилась заглянуть в комнату.

Майло склонился над письменным столом и задумчиво постукивал острым концом пера по лежащему перед ним полуисписанному листу. Все остальное пространство столешницы занимали документы, книги и письма. На одной из стопок стояли две пустые чашки. Свечи в подсвечнике прогорели почти до половины.

— Альберто, принесите мне еще кофе, — не отрываясь от бумаг, сказал Майло.

— Это не Альберто, милорд.

Он отложил перо на сторону и обернулся. На лице его читалось удивление: вряд ли он мог предположить, что увидит среди ночи именно меня. Стало вдруг неловко от слишком фривольного вида, и я нервно запахнула края длинного шелкового халата свободной рукой, скрывая белые кружева нижней рубашки.

— Миледи? Что-то случилось?

Я покачала головой. Супруг недоуменно нахмурился, а затем кивнул, приглашая войти в комнату. Я заметила, как он бросил взгляд на большую дымящуюся кружку в моей руке и, осознав, что это не кофе, едва подавил разочарованный вздох, перешедший в зевок.

— Я шла на кухню за стаканом воды, когда увидела свет в вашей комнате. Мелия сказала мне, что вы работаете сутками и отослали прочь лекаря, поэтому я решила...

— Эта Мелия... — Лорд поморщился, а после посмотрел на меня с каким-то непривычным интересом. — И что, вы решили заняться моим лечением сами?

— Вроде того. — Я позволила себе улыбнуться. — Это укрепляющий отвар. Выпейте, вам сразу станет лучше.

Лорд обреченно вздохнул, словно не чувствовал в себе сил спорить. Взяв у меня из рук кружку, он сделал маленький глоток. Почти сразу же брови его взметнулись вверх. Майло изумленно посмотрел на меня поверх кружки.

— Сладкое.

Я фыркнула.

Он жадно припал к кружке, одним махом выпил почти половину отвара. Крепкое зелье подействовало быстро. Несколько глотков — и лоб супруга разгладился, а усталый взгляд стал более осмысленным. Я наблюдала за ним, пряча довольную улыбку.

— Спасибо... Фаринта.

— Рада, что смогла помочь.

Лорд не спешил возвращаться к работе. Я топталась на месте, гадая, ждет ли он, когда я уйду, или же не против моей компании. На глаза мне попало письмо из судебного отдела с тускло светящейся надломленной печатью. Я заинтересованно подалась вперед, и Майло, проследив за направлением моего взгляда, без единого слова передал мне плотный белый лист.

— Стандартная практика, — произнес он. — В случае проведения закрытого заседания они не сообщают ничего, кроме даты и времени слушания. Остальное я узнаю только завтра.

Кивнув, я вернула письмо.

— Милорд. — Он повернулся ко мне. — Думаю, вам следует знать... Сегодня днем, когда мы проезжали мимо Аллегранцы, у здания городского суда я видела леди Олейнию Осси. Мы ранее столкнулись с ней в медицинском центре, и мне показалось... — Я замялась, не зная, как именно выразить смутные подозрения, зародившиеся после встречи с матерью Эдвина. — Мне показалось, что она имеет что-то... против меня. Что-то действительно серьезное... Впрочем, наверное, я ошибаюсь. Простите...

Я умолкла, чувствуя себя ужасно неловко. Чего я пыталась добиться, пересказывая супругу глупые женские страхи и сплетни — сейчас, посреди ночи, когда у него и без того было слишком много собственных проблем? Но, вопреки моим ожиданиям, Майло отнесся к сказанному серьезно.

— Не только против вас, — ответил он. — Семейство Осси расторгло партнерское соглашение с СМТ примерно месяц назад. Так что, возможно, ваши опасения не лишены смысла. Олейния выступает формальной главой рода, так что если мое слушание связано именно с нашими торговыми контрактами... Спасибо, миледи. — Он порывлся в стопке бумаг, вытащил несколько исписанных ровным канцелярским почерком листов. — Я учту это при подготовке.

Майло улыбнулся краешком губ и сделал еще один большой глоток из чашки с зельем. Я поняла, что разговор окончен. Пожелав супругу доброй ночи, вышла из комнаты, тихо затворив за собой дверь.

* * *

Как и обещал, лорд Кастанелло уехал рано утром, еще на рассвете. Сквозь сон я услышала грохот колес и приглушенные голоса. Но прежде чем решилась подняться, чтобы проводить

супруга, карета умчалась, и из окна коридора я успела разглядеть только ее темный силуэт, мелькнувший между деревьев.

Внизу уже суетились слуги, занимавшиеся привычными повседневными делами. Мелия расторопно накрыла мне завтрак в малой гостиной и замялась в дверях, словно раздумывала, не остаться ли, чтобы расспросить меня о недолгом отдыхе или рассказать о жизни поместья. Но мыслями я была вместе с супругом, гадая, что же именно явилось причиной вызова в суд, поэтому понятливая горничная оставила меня одну, пообещав вернуться через четверть часа с десертом.

— Он о вас спрашивал, миледи, — вдруг сказал она, обернувшись на пороге. — Лорд Даррен. Когда находился в сознании. Клара просила передать. Пока вас не было, милорд снял со всех слуг ограничение на разговоры с вами. И бывать вы у мальчика можете, сколько хотите. Ох, бедный ребенок... А сиделку мы пока так и не нашли. Лорд вроде хотел вернуть госпожу Лауди, но в больнице сказали, что Ильда выскочила замуж. Поэтому с юным милордом пока сидит наша Клара.

— Спасибо, Мелия. Я загляну к ним после завтрака.

Поклонившись, горничная покинула гостиную. Милорд-кот, дремавший в хозяйском кресле, поднял голову на хлопок двери и покосился на меня, лениво приоткрыв один глаз. Я наклонилась почесать его за ухом. Кот принял ласку с поистине королевским снисхождением.

В момент, когда мои пальцы соприкоснулись с головой Милорда, на самом краешке сознания я ощутила легкий отголосок чужого присутствия, словно бы Даррен потянулся ко мне.

«Здравствуй», — как можно более четко подумала я, но ответа не получила.

Вывернувшись из-под моей руки, Милорд-кот спрыгнул с кресла, подошел к дверям и призывно мяукнул, приглашая последовать за ним. Заинтригованная, я подчинилась.

Милорд вывел меня в холл, а затем в узкий коридор, ведущий к выходу на задний двор поместья. Кот то убегал на несколько шагов вперед, то возвращался ко мне, змеей обвиваясь вокруг ног. На кухне послышались шорохи, и вскоре дверь распахнулась, выпуская в коридор Густаво, довольного, но немного сконфуженного. Работник окинул меня удивленным взглядом и поклонился, коротко приветствуя.

Кот требовательно мяукнул, протискиваясь к выходу впереди Ленса. Я заторопилась следом.

— Миледи?

Тихий голос, лишенный прежнего живого звона и задора и оттого едва узнаваемый, окликнул меня из глубины коридора. Я поспешно обернулась и увидела в проеме кухни бледную Лоиссу. Пальцы кухарки нервно комкали фартук.

— Лоисса. — Я подошла ближе. — Как ты?

Она не ответила. Так и стояла с низко опущенной головой, сминая белую накрахмаленную ткань, и не решалась произнести ни слова. Губы ее дрожали. Мне казалось, еще немного, и кухарка горько разрыдается.

— Лоисса, — стараясь, чтобы мой голос звучал как можно мягче, сказала я. — Не нужно так корить себя. Никто тебя не винит. Бренци... он обманул всех нас. Все мы верили ему...

Девушка вдруг резко вскинула голову. В ее глазах стояли слезы.

— Я должна была сказать вам, должна! — всхлипнула она. Крупные соленые капли прочертили дорожки по щекам кухарки. — Сказать, когда вы спрашивали тем утром, миледи. Маме сказать. Тогда никто не пострадал бы. Если бы только я... Но он... А я... А он... Это все из-за меня, миледи... Вы меня, наверное, теперь ненавидите...

Горло сдавило горьким спазмом. Я преодолела разделявшее нас расстояние и притянула к себе плачущую служанку. В первое мгновение Лоисса попыталась вырваться, отшатнуться, но почти сразу же обмякла, уткнувшись в мое плечо. Она всхлипывала, обнимая меня, а я гладила ее по кудрявым волосам, забранным в толстый пучок на затылке.

— Миледи... простите...

— Ты ни в чем не виновата, Лоисса. Я тебя не виню, и прощать мне тебя не за что. Все позади — и это главное.

Мы так и стояли, обнявшись, посреди коридора, пока у Лоиссы не кончились слезы. Последний раз шмыгнув носом, она отстранилась.

— Вы правда не ненавидите меня? — тихо спросила она. — Господин Руджеро, вы знаете, он...

— Не нужно, Лоисса. — Я бросила взгляд за спину кухарки, где на кухонном столе рядом с баночками приправ лежал перевязанный лентой букетик крокусов, и от чистого сердца порадовалась за юную служанку, догадавшись, откуда появился этот скромный подарок и почему Густаво так засмутился, увидев меня. — Все это уже в прошлом.

Лоисса зарделась и потупилась. Румянец ей необыкновенно шел.

— Спасибо, миледи, — на кухне что-то забурлило, и кухарка, спохватившись, метнулась к плитке, подхватывая с огня кипящую джезву. — Мама скоро принесет вам кофе и сладости, — прокричала она из кухни. — Вы ведь за этим сюда заходили, верно?

— Я искала Милорда, — ответила ей, но Лоисса, кажется, уже не слушала, растворившись в своих хлопотах.

Похоже, пока я разговаривала с кухаркой, кот успел выбежать из дома вслед за Густаво. Приоткрыв дверь — погода ранней весной славится переменчивостью, и сейчас на улице накрапывал мелкий дождик, — я увидела Милорда-кота, прогуливающегося под крышей у порога. Несмотря на мои увещевания, возвращаться внутрь зверь не захотел и все крутился у ног, маня за собой.

К сторожке.

Дверь оказалась не заперта. Клара сидела в излюбленном кресле, обвязывая белым кружевом воротничок нового форменного платья. Увидев меня, она опустила голову в приветственном поклоне и попыталась встать, но я остановила ее, не желая попусту беспокоить горничную. Хотя, следовало признать, что после приступа, свидетелем которого я стала, оставаться с Дарреном наедине было несколько страшновато.

Но Милорд-кот уверенно вел меня в полутемную комнату, и я все же решилась последовать за ним.

Даррен спал — или пребывал в забытии под действием зелий. Кот вспрыгнул на кровать, забрался под безвольную руку ребенка, лежавшую поверх тонкого покрывала, свернулся клубком и довольно заурчал.

— Это его кот, вы знаете? — раздался из-за спины негромкий голос Клары. Горничная все-таки встала и сейчас замерла в дверном проеме, сжимая в руках недовязанное кружево. — Милорда Даррена. Леди Лейни принесла его мальчику незадолго до... — Она осеклась, подбирая слова. — Незадолго до того, как все стало совсем плохо. Лорд Даррен тогда был гораздо здоровее и спокойнее. Это потом, после смерти леди Лейни, приступы начали происходить все чаще, и лорд Майло перевез сына в отдельный домик. А котик вот остался. Приходит сюда иногда, чтобы посидеть со старым приятелем.

Она улыбнулась, смагивая слезы.

— Я могу... подойти к нему?

— Да, конечно. Он ведь спрашивал о вас пару раз, пока вас не было. Запомнил, стало быть. Лорд Майло ни леди Жиневру, ни

леди Эрлисию никогда сюда не приводил... Вы не волнуйтесь, миледи, я тут рядом. Если что случится, я прибегу и дам милорду Даррену лекарство. Лорд Майло мне объяснил, что да как.

Я кивнула. Служанка вышла из комнаты, притворив за собой дверь.

— Здравствуй, Даррен, — проговорила я.

И вдруг ощутила едва заметный отклик.

Я вздрогнула. Мальчик по-прежнему оставался неподвижным, но каким-то странным, необычайным образом я чувствовала, что он был в сознании. Даррен словно смотрел на меня со стороны пристальным немигающим взглядом, в котором смешивались осторожность и любопытство. Чуть повернув голову, я увидела, как сверкнули в полутьме желтые кошачьи глаза.

«Он может видеть глазами Милорда, — вдруг осознала я. — И, возможно, даже заставляя своенравного зверя делать то, что он хочет. Вот почему кот так привязан к одному лорду Кастанелло, и вот почему иногда мне казалось, что Милорд ведет себя не так, как обычные животные».

Прикосновение к моему разуму стало ощутимее, ярче. Я поняла, что угадала верно. Отчего-то непреодолимо захотелось потрепать мальчишку по кудрявым волосам, ободряюще сжать тонкие пальцы, мысленно обещая, что я непременно сделаю все, что смогу, чтобы он поправился. Чтобы он больше не чувствовал себя одиноким.

Рука сама собой поднялась, потянувшись к его ладонке, лежащей на голове Милорда. И опустилась. Перед глазами вспыхнули случайно подсмотренные воспоминания о менталисте с красным перстнем, чье разрушительное касание сломало мальчику жизнь.

Слишком рано.

Я не хотела пугать Даррена неосторожным порывом, и потому так и осталась стоять почти у самых дверей, вслушиваясь в тишину комнаты и чувствуя краешком сознания нить натянутой между нами ментальной связи. И как же хорошо было ощущать себя не одинокой.

— Все в порядке, миледи? — раздался из смежной комнаты голос горничной.

— Все хорошо, Клара. Не волнуйтесь. Я сейчас уйду.

Бросив последний взгляд на Даррена, я вышла из полутемной спальни. Милорд-кот, встрепенувшись, проследил за мной, а потом вновь свернулся клубком под боком у мальчика.

— Бедный ребенок, — вздохнула Клара. — Смотрю на них с лордом Майло — и прямо сердце разрывается.

Я кивнула. Чем больше я узнавала о сыне лорда Кастанелло, тем сильнее хотела помочь. А еще, возможно, Даррен помнил о человеке с красным перстнем куда больше, чем я, и мог указать нам с Майло, где и как найти его...

Занятая этими размышлениями, я пересекла двор и проскользнула домой. Можно было вернуться в гостиную и закончить завтрак, а потом скоротать время за книгой в ожидании возвращения супруга. Или поговорить с госпожой Ленс — кажется, Мелия вчера просила обсудить увольнение экономки и уговорить ее остаться.

В холле раздалась приглушенные голоса. Один из них я узнала — он принадлежал горничной. Мне показалось, что я услышала свое имя — возможно, служанка потеряла меня, когда я, не сказав никому ни слова, отправилась вслед за Милордом-котом навестить Даррена.

— Мелия. — Я махнула рукой, привлекая ее внимание. — Я ненадолго выходила во...

Слова застряли в горле. Горничная была не одна. Рядом с ней в холле стоял законник в черной униформе, а у парадных дверей ожидал его напарник. Оба молчаливые и серьезные. Увидев меня, первый сделал шаг вперед.

Тревожно и гулко забилось сердце.

— Миледи, — бледная как смерть Мелия сжимала в руках поднос с кофе и разноцветными полупрозрачными кубиками каких-то экзотических десертов на плоской тарелке. Она заметно нервничала: пальцы служанки мелко подрагивали, и тонкая фарфоровая чашечка жалобно дребезжала на блюдце. — Эти господа спрашивают вас. Говорят, вы должны с ними поехать. Прямо сейчас.

* * *

Все, что мне было позволено, — подняться за теплым жакетом и накидкой. Хмурый законник ожидал у лестницы, нетерпеливо притопывая ногой. Мелия и подоспевший господин Сфорци переговаривались с его коллегой. Господина дознавателя не было, и это показалось мне по меньшей мере странным. Выходило, что прибывшие законники не принадлежали к отделу магического контроля, но оставалось совершенно непонятным, зачем потребовалось столь срочно доставлять меня... куда?

— Милорда сейчас нет дома, — торопливо объяснял дворецкий законнику. — Только он имеет право принимать решения относительно всего, что связано с леди Кастанелло. К тому же миледи запрещено покидать границы поместья, ее передвижения ограничены артефактом.

— Леди Кастанелло ожидают в суде для дачи свидетельских показаний. Лорд Кастанелло уже поставлен в известность о нашем визите, — последовал резкий ответ. — Вопрос с артефактом также будет улажен.

— Милорд не давал соответствующих распоряжений, — упрямо продолжал дворецкий. — Миледи не покинет поместья, пока я...

— Все в порядке, господин Сфорци. Я поеду.

Я успокаивающе улыбнулась слугам, хотя внутри все сжималось от липкого страха — за себя, за Даррена, за лорда. Но последнее, чего мне хотелось — навлекать лишние беды на обитателей поместья из-за неповиновения требованиям законников.

Печально знакомая черная карета ждала у крыльца поместья. Сопровождаемая служителями закона, я покорно забралась внутрь и заняла указанное место, сцепив пальцы замком. Я ожидала хоть каких-то объяснений, но их не последовало. Порывшись в кармане, один из мужчин извлек тонкую кристаллическую пластину, которую кинул мне на колени, избегая контакта.

— Приложите к запястью. Это временный блокиратор для вашего браслета, — коротко проинформировал он.

Карета уже подъезжала к воротам, и я поспешила выполнить указания. Мне показалось, что если бы встроенный в брачный браслет артефакт сработал, ни один из законников не пошевелился бы, чтобы помочь мне. За окном мелькнула кованая решетка. Краткая вспышка боли прошла руку, но тут же пропала, когда пластинка с глухим щелчком закрепилась поверх браслета. Новых болезненных импульсов не последовало.

— Блок будет действовать в течение часа. По истечении этого срока блокиратор снимут. Уведомите супруга, что он по приказу судьи должен обновить магию в браслете и отдать артефакту соответствующие указания касательно вас. Если с этим возникнут проблемы, рекомендую обратиться к ближайшему представителю отдела магического контроля.

Супруга... Выходит, суд, на который вызвали лорда, все-таки как-то связан со мной. В отчаянии я сильнее сжала пальцы.

Майло... в какие неприятности на этот раз втянуло его заступничество за меня?

Несмотря на ярмарку и выходной день, улицы Аллегранцы были пустынно. Карета легко добралась до здания городского суда. Меня завели через тот же вход, в котором день назад исчез неизвестный каторжник. Сопровождаемая парой законников, я прошла сквозь узкий коридор, поднялась по лестнице и через несколько поворотов оказалась в просторном холле, куда выходило шесть одинаковых дверей. Возле одной из них мне приказали остановиться.

— Ожидайте своей очереди. Вас вызовут.

Я без сил опустилась на единственный стул. Законники молчаливыми тенями встали по обе стороны от меня, а представитель отдела судебных обвинителей подошел отстегнуть пластину блокиратора. Боли я не почувствовала — значит, Майло находился недалеко. Мне стало по-настоящему страшно.

Нужно было собраться с силами, подготовиться к предстоящему слушанию, но я едва контролировала подступившую панику. В голове билась единственная мысль: скорее всего, законникам удалось обнаружить на останках Бренци ментальный след и теперь они собираются осудить меня за применение запрещенной ментальной магии. Нет... не меня. Лорда Кастанелло. Того, кто опрометчиво взял на себя ответственность за смертницу, по мнению суда, уже совершившую не одно преступление.

Что-то внутри меня кричало, кричало и не могло остановиться.

Лучше бы мы решили развестись в тот самый день, когда Майло предложил мне это...

— Леди Кастанелло, — раздалось из приоткрытой двери. Я вздрогнула, стиснула полы накидки. — Вы приглашаетесь для дачи предварительных показаний. Прошу следовать за мной.

Один из законников подхватил меня под локоть и мягко подтолкнул в сторону двери. На онемевших ногах я с трудом поплелась следом за судебным секретарем.

В небольшой комнате с единственным окном, закрытым частой решеткой, меня ждали шестеро. Городской судья восседал за невысокой трибуной, равнодушно взирая на расположившихся напротив него людей. Стол слева занимал мужчина средних лет. Серебряные нашивки на эполетах выдавали в нем старшего обвинителя Аллегранцы. За господином обвините-

лем сидели незнакомый мне лорд с длинными белыми волосами, потом печально знакомый господин дознаватель и... леди Осси. При виде меня мать Эдвина торжествующе усмехнулась и гордо выпрямила спину.

Справа от обвинителя за отдельным столом находился лорд Кастанелло. Он был, пожалуй, излишне бледен, но казался спокойным и собранным. Поймав мой затравленный взгляд, супруг улыбнулся краешками губ, словно пытаюсь подбодрить. Сердце сжалось от боли.

Что же я наделала...

Внезапно я ощутила на себе чей-то взгляд, от которого по телу пробежала дрожь. Справа от судьбы на отдельной скамье рядом с пустовавшей зарешеченной клеткой сидел, сторбившись, мужчина в полосатой арестантской робе, охраняемый двумя конвоирами с взведенными энергетическими пистолетами. Длинные спутанные волосы арестанта висели сальными прядями. Грязная одежда болталась на худом теле. Мужчина глядел прямо перед собой, и я не могла до конца понять, смотрел он на меня или сквозь меня. Его взгляд казался совершенно бессмысленным, а зрачки светлых глаз походили на маленькие черные точки. Я с ужасом осознала, что каторжник, по всей вероятности, безумен.

Меня заставили остановиться перед судьей, как раз между обвинителем и лордом Кастанелло. Супруг молчал, не нарушая судебного протокола, но я кожей чувствовала, что он смотрит на меня. Я заставила себя выпрямиться и унять дрожь.

— Известно ли вам, кто эта женщина? — обратился обвинитель к каторжнику, указывая в мою сторону.

Мужчина даже не повернул головы. Казалось, он не понял или не услышал вопроса. Обвинитель шагнул вперед, подошел ближе и проговорил почти по слогам с легким нажимом в голове:

— Перед вами леди Фаринта Кастанелло. Но вам она должна была быть известна под именем Фаринты Честер. Вы знаете эту женщину?

Каторжник медленно окинул меня невидящим взглядом.

— Я знаю эту женщину, — эхом повторил он.

— Это госпожа Фаринта Честер?

— Это госпожа Фаринта Честер.

— Вы подтверждаете это?

— Я подтверждаю это.

Возмущение вскипело в крови. Я была убеждена: мужчина, сидевший сейчас перед господином обвинителем, не понимал ни единого слова, которые послушно произносили его губы. Безумец. Настоящий безумец. И откуда он мог знать меня, если я впервые увидела его только вчера, когда законники доставили заключенного в здание суда?

Я повернулась к лорду Кастанелло и заметила, как он до побелевших костяшек пальцев стиснул перо. Супруг едва заметно покачал головой, предостерегая меня от поспешных и необдуманных действий.

— Благодарю. Обвинение не имеет вопросов к свидетелю.

Конвоиры подхватили каторжника под руки и перетащили в железную клетку. Он покорно опустил на табурет и замер сломанной куклой.

— Леди Кастанелло, прошу вас. — Судья указал на опустевшую скамью.

Я подчинилась.

— Леди Кастанелло, клянетесь ли вы перед Короной и людьми говорить правду, и только правду? — задал дежурный вопрос судья.

Заскрипело перо секретаря, слово в слово записывавшего все разговоры.

— Клянусь.

— Прошу вас, господин обвинитель.

Законник поднялся со своего места.

— Миледи. — Он кивнул в сторону сидевшего в клетке заключенного. — Узнаете ли вы этого человека?

— Нет.

— Вы уверены? — повторил вопрос законник.

Еще раз внимательно рассмотрев мужчину, я покачала головой.

— Позвольте сообщить вам его имя. Быть может, это освежит вашу память, — в голосе обвинителя почувствовался какой-то скрытый намек. — Перед вами, миледи, господин Арджеро Бренци, осужденный семь лет назад за изготовление камина. Дело было инициировано старшим дознавателем Аллегранцы Энио Маркони по факту отравления вашего второго супруга, господина Лайнуса Честера.

Я посмотрела на заключенного в немом изумлении. Арджеро Бренци? Но ведь это невозможно. Арджеро мертв, он погиб месяц назад, разбившись на обледенелой дороге, когда попы-

тался увезти меня из поместья. Ошибки произойти не могло, я была в его голове, я видела...

И тут я поняла. Нужно было вспомнить это сразу — в письме господина Кауфмана говорилось о некоем Арджеро, безумном каторжнике, отбывавшем срок вместо настоящего убийцы. Конечно же покровитель Бренци не допустил бы, чтобы его послушный зельевар оказался на рудниках. Для менталиста не составило труда отыскать подходящую жертву, вмешаться в его память и совершить подмену. Разум, поврежденный ментальным воздействием, тело, сломленное тяжелой работой... неудивительно, что в итоге мужчина сошел с ума.

Он действительно неувовимо напоминал Руджеро. Теперь я видела это: те же глаза, тот же профиль. Чувствовалось семейное сходство. Наверное, его имя и взял себе Арджеро, по странной прихоти сохранив прежнюю фамилию.

Как он оказался здесь? Зачем законники отыскиали его и привезли с каторги? Вряд ли хоть кто-нибудь, кроме меня и лорда, знал о том, что вместо злокозненного зельевара срок отбывал другой человек. Но сейчас этот человек сидел в трех шагах от меня и утверждал, что знает мое имя. Откуда?

Я испытала запоздалое раскаяние, что не рассказала Майло, что видела каторжника, когда возвращалась в поместье через Аллегранцу. Быть может, супруг догадался бы, что могло означать появление у здания суда леди Осси и человека, заменившего Арджеро Бренци на каторге. Понял бы, что сегодняшнее заседание вовсе не связано с делами СМТ. Быть может, мы успели бы что-нибудь придумать...

— Похоже, теперь вы что-то вспомнили, — заметил господин обвинитель. — Будьте добры ответить на первоначальный вопрос.

— Я не знаю этого человека, — стараясь, чтобы мой голос прозвучал ровно, ответила я. — В то время, когда велось следствие по делу о гибели моего второго супруга, господина Лайнуса Честера, я уже была замужем за господином Грэхемом Ридбергом и практически не покидала пределов его дома. Можете посмотреть записи в городской ратуше, чтобы проверить дату заключения нашего брака. Впрочем, фамилия заключенного мне знакома. Господин Руджеро Бренци, его однофамилец, служил у моего супруга водителем. Он разбился месяц назад... полагаю, вы знаете.

Господин обвинитель недобро сощурился.

— Суд располагает иной информацией, — проговорил он. — Заключение утверждает, что знает вас, и знает также, что семь лет назад вы вместе с ним занимались изготовлением кацина в составе преступной группы, которую раскрыл доблестный господин Маркони.

— Но это не так! — вырвалось у меня. — Ведь я проходила тесты! Меня не один раз тестировали после смерти Лайнуса и признали невиновной. У меня был маленький резерв, недостаточный для сложных преобразований, и я ничего не знала о кацине. Я никогда не участвовала в изготовлении ядов и не слышала о человеке по фамилии Бренци, пока не попала в поместье лорда Кастанелло.

— Вы ничего не знали о кацине, — задумчиво повторил законник. — Примечательно, что вы использовали прошедшее время. Не знали о кацине, не слышали о Бренци, пока не попали в поместье лорда Кастанелло... Может быть, если мы протестируем ваш резерв еще раз, получим совершенно иной результат, чем тогда?

— Прошлый тест проводился семь лет назад, — с тихим отчаянием произнесла я, чувствуя, что вопросы законника загоняют меня в угол. — С тех пор я прошла курс обучения в Королевском магическом университете, и показатели, разумеется, будут другими, мой резерв вырос, но...

— Так можете ли вы сейчас изготовить кацин, миледи?

— Не могу.

Я смотрела только на господина обвинителя, но кожей чувствовала, что и Майло не сводил с меня напряженного взгляда. От осознания, что супруг может не верить мне, стало страшно — куда страшнее, чем от ложных обвинений сумасшедшего Бренци. С запоздалым сожалением я подумала, как же мало мы говорили друг с другом, как мало я успела ему рассказать. Судьба не давала нам ни дня передышки, раз за разом сталкивая со смертью. И вот теперь...

— Господин судья. — Голос лорда Кастанелло звучал размеренно и спокойно. — Насколько я понимаю, мы здесь не для того, чтобы выдвигать моей жене обвинения по давно закрытому делу. Решением суда она уже была признана невиновной.

— Протест принимается, — кивнул судья. — Переходите к сути дела, господин обвинитель. У вас остались еще вопросы к леди Кастанелло?

— Разумеется. — Законник холодно улыбнулся. — Миледи, вам знаком этот предмет?

На поверхность стола передо мной лег фамильный гребень семейства Осси.

Я похолодела. Он был на мне в тот день, когда Бренци оглушил меня и увез из поместья, но я совершенно не помнила, где и когда потеряла его. Как он попал в руки законников?

— Да. Это гребень, который Эдвин... — Я увидела, как гневно сощурилась леди Олейния, и тут же поправилась, не желая провоцировать ее. — Да, это фамильный гребень семейства Осси. Как он оказался у вас? Я потеряла его...

— Можете вспомнить, когда и при каких обстоятельствах вы, как утверждаете, его потеряли?

— Я... я не знаю. В доме был пожар...

— Так вы утверждаете, что фамильный гребень рода Осси хранился в поместье лорда Кастанелло? — осведомился законник.

— Нет. Эдвин подарил мне его перед свадьбой. Я...

— Так куда же вы его дели, миледи? Попытайтесь вспомнить.

— Я... — где я могла обронить его? В гараже? Тогда он не попал бы в руки законников. Где-то на дороге? Возможно... в машине Бренци? От последнего предположения мне стало дурно. Нужно было любой ценой отвести от себя подозрения. Потому что не я, а Майло отправится на костер, если законники признают меня виновной в применении ментальной магии. — Я не помню.

— Отвечайте, миледи!

— Не надо давить на мою жену, — подал голос лорд. — Разве вы не видите, что ей плохо от одних только воспоминаний о пожаре? Леди Кастанелло тогда чуть не погибла.

— Протест отклоняется, — отрезал судья. — Господин обвинитель, вы можете продолжать.

— Я жду вашего ответа, миледи.

— Я действительно не помню, где и когда последний раз видела его, — честно сказала я. Кажется, никто из слуг не заметил, как я отыскала гребень на пепелище, оставшемся от моей комнаты. Некому будет опровергнуть мои слова. — Простите.

— Что ж, я могу освежить вашу память. Вторично. Этот гребень был найден при изучении уцелевших фрагментов самодвижущегося экипажа, взорвавшегося при ударе о дерево вместе с господином Руджеро Бренци, который, как вы упомянули, служил водителем у вашего супруга лорда Майло Кастанелло. Леди Олейния Осси оказалась столь любезна, что опознала